



СЛАВА СЭ

ЕГО КОТ,
ЖЕНА И ДРУГИЕ
ПОДРОБНОСТИ



•АВТОР
ОДНОГО ИЗ САМЫХ
ПОПУЛЯРНЫХ ЖЖ-БЛОГОВ.
•ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ
ХАНДРЫ И ДЕПРЕССИИ



Слава Сэ

Сантехник, его кот, жена

и другие подробности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=596225

*Сантехник, его кот, жена и другие подробности: АСТ: Астрель;
ISBN 978-5-17-067206-6, 978-5-271-27909-6*

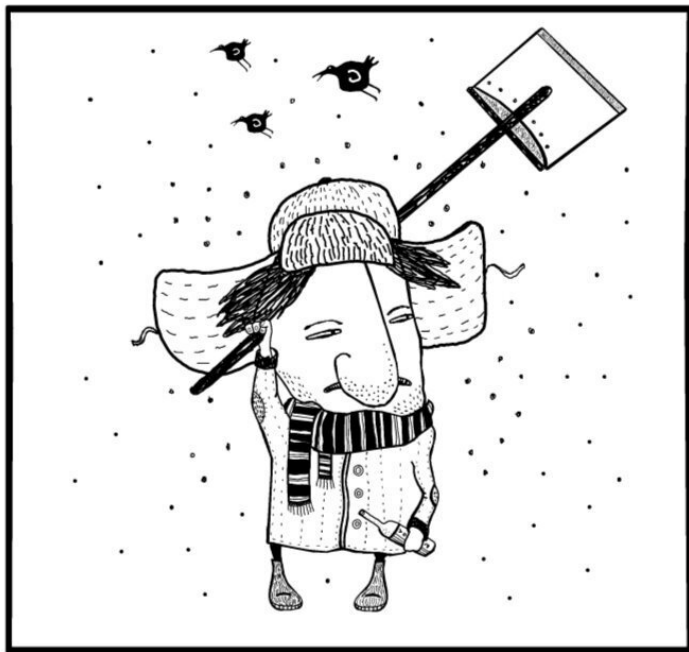
Аннотация

Он сам невзрачный крепыш, чье мужское одиночество пахнет хомячком (живущим под ванной), и увлекается почти неприступными грустными женщинами (легкими на поцелуй). Единственный в Прибалтике сантехник, играющий в академическом театре. Ведет блог в «ЖЖ», умеет жарить мясо и выращивать на окне лук. Кто это – сам Слава Сэ? Или его герой? Да и Слава Сэ ли он?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Слава Сэ

Сантехник, его кот, жена и другие подробности



Дворник Виталик по прозвищу Сиреневый Туман всегда ходит с лопатой. Без лопаты он боится упасть и остаться на-

век горизонтальным. Трезвым он не работает, потому что есть некая фальшь в трезвых дворниках. Но метёт как Аполлон.

В самые ледяные месяцы, когда в любом сугробе стекленеет отдельный ямщик, Виталиковы дорожки вымыты и высушены специальным перегаром. Случайные снежинки даже не пытаются ему мусорить и сразу сворачивают к чужим сугробам. Которые не сворачивают, тех Виталик догоняет и убивает железной лопатой. Из-за такого тяжёлого его психического заболевания у нас с Лялей протёрлись санки.

Народный китайский завод синих тазиков делает эти санки методом привязывания к тазикам верёвки. Выходит очень удобное изделие. В нём можно парить ноги, хранить помидоры и волочить детей в сад, если выпал снег или неглубокие лужи.

Я потратил на санки два евро и до сих пор не жалею. Я испытал их на себе. Развил с моста огромную скорость, хотел взлететь с трамплина, но был спасён одной берёзой. Она чисто по-женски выбежала навстречу мужчине, одиноко летящему по небу в синих санях. Наша связь была мимолётной, но яркой.

Мы с Лялей ходим в сад через улицу, мимо кустов и забора. К нам выбегает весёлая собака породы «бешеный урод». Она орёт на меня, будто мы женаты. Я машу ей кулаком, Ля-

ля счастливо с нас хохочет.

После собаки опять кусты, забор, и вот мы въезжаем в вечно летние асфальты дворника Виталика Сиреневый Туман. И скребём о них днищем.

Дальше очень технический текст, следите за пальцем. За зиму в санях протёрлись промоины. Сани загребают снег и складывают пассажиру под попу. А потом высыпают назад, на асфальт. Таким нехитрым способом контрабандные осадки проникают на территорию дворника-параноика. На чистом тротуаре под давлением Ляли загрёбанное выжимается обратно. За санями на асфальте остаются две полосы. Белые на чёрном, очень марсианские на вид. Будто инопланетянин с нездешним разумом принёс охапку снега и нагадил неземное послание.

Я бы мог купить сто новых санок. Но я видел, с каким лицом Виталик сгребаёт неземные следы. Он непобедим и прекрасен.

—Все марсиане могут возвращаться назад в свою жопу,— словно говорят нам взмахи его бесстрашной лопаты.

Завтра я нарисую Виталику загадочные снежные круги и признаки посадочной полосы для тарелок. И подброшу записку:

«Виталик, прекрати стирать рулёжные знаки, наши

корабли вязнут в непогоде.

Твои Чужие»



Вчера, по пути на фигурное катание, Ляля вкусила от древа познания полную сумку французской косметики.

Как всё самое интересное в юности, это произошло на заднем сиденье родительского драндулета. Пока рулевая мать, Люся Незабудкина, рассыпала попутным машинам весёлые

приветствия: «Идиота обрубок!», «Выбрось свои права!» и «Куда прёшь, обезьяна вислоухая!»— Ляля изогнулась, подтянула сумочку, вытащила добро, зло и быстренько всё познала.

От раскрывшихся в косметичке перспектив девочка счастливо и тихо заскулила. В полный голос скулить было глупо, родительница бы услышала и захлопнула перспективы. Как мать и как женщина она человек хороший, только жадный до косметики. Даже непонятно, с чего. Помаду мы уже год как не едим. Иногда только сорвёт башню, нападёт странная необузданность, тогда, конечно, прощай тюбик.

Ляля пренебрегла зеркальцем, работала наощупь, руководствуясь лишь творческой интуицией и несколько льстивыми представлениями о размерах губ, глаз и щёк.

Для оформления нижней части лица она применила технику широкого мазка. Её живописной манере оказались присущи обобщенный контурный рисунок, условная упрощенность символов и яркая звучность отдельных цветовых пятен.

Светлые и прозрачные пейзажи правой щеки, динамичные бытовые сцены левой как бы воспели чувственную красоту и радость жизни. Композиция дышала поэтикой, игрой линейных ритмов и тонким колоритом цыганской свадьбы. Три широких чёрных полосы через лоб, по числу пойман-

ных Люсей канализационных люков, как бы воспели вечное стремление души ввысь, к свету, святым угодникам Илье и Николаю или кто там у них производит косметические наборы Bourjois.

Глаза автор оформила с дерзким вызовом, слив водин компот аллюзии раннего Гогена, гротескный кич Лотрека и базовый принцип модернизма «Много туши не бывает!».

—Какая странная тишина!— вдруг насторожилась Незабудкина. И посмотрела, чтоб убедиться. А на заднем сиденье уже сидело всё, что думает Ляля о французской живописи начала прошлого века.

Поражённая красотой и чувственной мощью мирового импрессионизма, расцветшего там, где у других детей обычно видна голова, Незабудкина исполнила тройной ритбергер. Прямо за рулём. Окружающие водители приветствовали фигуру весёлыми криками: «Идиота обрубок!», «Выбрось свои права!» и «Куда прёшь, обезьяна вислоухая!».

Конечно, Ляле не следовало в таком виде показываться матери. Это была девичья беспечность. Мать тоже женщина, ей завидно. Надо было выскакивать из машины и бежать к людям, навстречу восторгам прогрессивных людей, понимающих высокий мейк-ап.

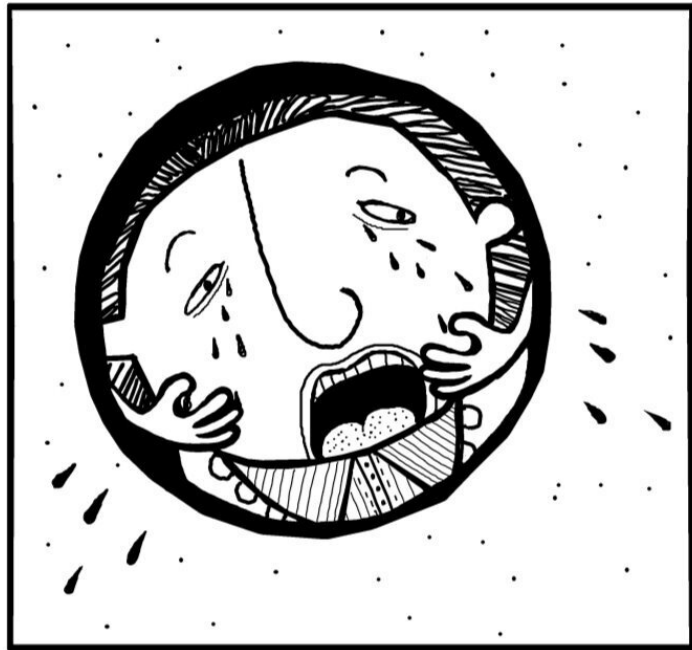
Незабудкина решила, что выпускать на лёд такое Ботти-

челли нельзя. Все ведь убегут и будет скучно. Внутренний Люсин Мойдодыр поклялся поймать искусство, подтащить к воде и превратить обратно в ребёнка. А горячую воду на каток не завезли. И водостойкая тушь дерзко рассмеялась в лицо внутреннему Люсиному Мойдодыру. Но и тот оказался не промах, и вскоре фигуристка Алика С. выкатилась на лёд с лицом, которое вы не сможете себе представить, если не видели позднего Моне. Ну, эти его пруд, кувшинки, солнечные блики на воде... Собственно блики и составили суть Лялиного образа.

А сегодня Ляля сказала:

—Когда вырасту, стану дядей.

И я её прекрасно понимаю.



У Ляли в попе дырка. Это ужас. В молодости её не было. Но вчера Ляля выросла и пошла мыть попу сама. И нашла в себе ужасную новость.

И сразу наступило проливное горе. Слезы по сто каратов прожигали ковёр, а на кафеле высыхали солёными розами.

В прежние годы, когда детство было не таким жестоким, а голуби вырастали с собаку, попой занимались специальные

люди из числа обученной родни. Мыли чисто, но молча. А вчера Ляля проверила, чивой-то там, и мир стал сер.

Раньше-то хорошо жилось с весёлой, а главное, целой попой. Форма, цвет, аромат, звучание— всё было безупречно. Персики считали этот зад лучшим среди себя и старались подражать во всём. И вдруг, в самом центре датского королевства находится дырка, тревожная, как свист в ночи. Сразу сделалось беспокойно, а вдруг кто туда залезет? Или ещё хуже— выползет?

В романах про женщин пишут так: «Вся в слезах, с разметающимися волосами, она кинулась к отцу». В литературе принято скакать к отцу всякий раз, едва заметив у мужа лишних детей от трёх тайных браков или, опять же, если негодяй-сосед-плантатор ворвался ночью, повалил и таки да, сделал в попе дырку.

Конечно, в романах перегиб. Ляля бежала не вся в слезах, а только по пояс.

Теперь про Лялиного отца. Это немногословный мужчина с романтическим шрамом на мозге. Всем известны его бескорыстная лень и дурная фантазия, превосходящая возможности бога. Например, только он умеет сфотографировать человека так, чтобы вышел чёрный квадрат, знаменитая картина. А когда готовит свинину с овощами, сам решает,

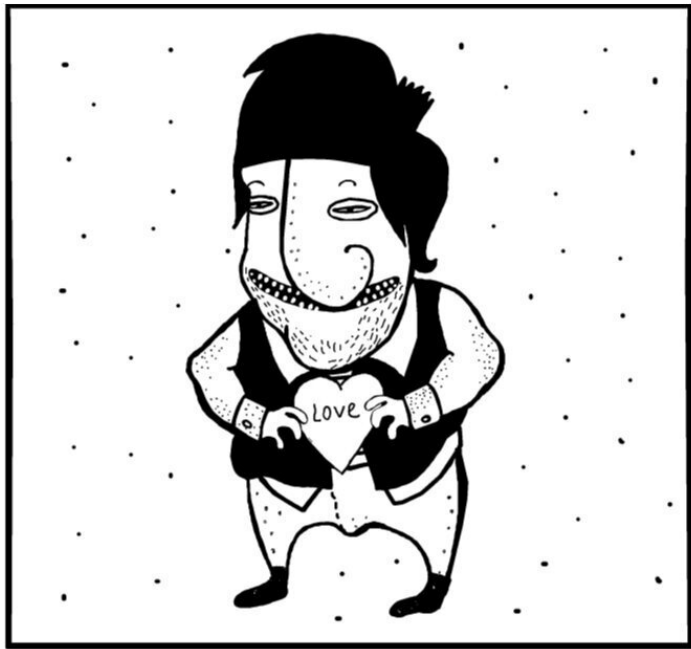
класть туда фасоль или нет. Ипотом— выбросить всё вместе с кастрюлей или сначала выковырять мясо. Потому что интуиция в нём и сила духа. Именно он заклеил мячик изолен-той, разбил им люстру, подмёл и спрятал осколки в диван. Только такой отец сумеет помочь, если попа прохудилась.

Ляля аккуратно залила родителя по пояс, чтобы потом можно было написать: «Отец и дочь, все в слезах». И потребовала оценить ущерб визуально, повернувшись к миру передом, к отцу задом— посмотри, какая там, ужас!

Что дырка маленькая и даже симпатичная, не стало аргументом. Покой и воля не наступили.

Но совершенно внезапно, на 354-й странице, отец признаётся, что дыркозадость— это у них семейное. И он сам, и мать их Люся, и лохматая сестра Машка—все они не герметичны. Более того, пуканье— это не абстрактный голос из дивана.

При всей своей непостижимости, внезапный скетч из жизни ягодиц Лялю позабавил. Когнитивный диссонанс перестал быть таким уж диссонансным. Конечно жаль, что мы оказались не семья принцесс, зато есть тема для беседы со Светкой и Юлькой, подругами по младшей группе детсада. Вот они удивятся.



Ляля встретила на улице друга по имени Иван, он шёл с отцом в неведомую даль.

–Привет, Иван!– крикнула Ляля так, что с дерева упала ворона.

–Привет, Алика!– крикнул Иван в ответ, но как-то дохло.

–Папа, это Алика, которая всё время плюётся и показывает язык,– представил нас Иван.

Отец Ивана косо посмотрел мне в губы, будто ждал от ме-

ня неприятностей.

—Ляля, неужели ты плюёшься и показываешь язык?— спросил я громко и фальшиво.

Мне нравится иногда, на людях, притворяться приличным человеком. Ляля показала мне взглядом, что я трус. Настоящий друг на моём месте сам показал бы врагу язык и метко бы доплюнул. Так я узнал, что моя дочь выросла и в ней полно девичьей гордости, надёжно защищённой слюнями.

Наблюдая, как кот чешет ногой подмышку, вспоминал других женщин нашего рода. Они все ужасно гордые и вооружены слюнями и разным домашним скарбом по утюг включительно. И скорее почешут ногой подмышку, чем позволят мужчине решить важное: куда передвинуть шкаф, по какой дороге ехать к маме, не скисла ли сметана и что нет, разводиться нам ещё не пора. Мужьям нашего рода оставлены мелочи— борьба с кризисом и выборы президента.

Моя кузина Ира работала на Кипре официанткой. Вернулась, поскольку в неё влюбился хозяин ресторана, утончённый богач Антонио, а это (читайте внимательно!) не входило в её планы. То есть он моложе её, холост с самого рождения и образован. С точки зрения женской гордости выйти за такое невозможно, ведь что подумают люди. Хотя я знаю тут пару мужчин, они бы такой шанс не упустили.

Ирина бросает Кипр. Возвращается домой. Дома на второе сосиски, купаться в море мешают льдины, а трамвайных контролёров боятся даже вурдалаки и бегемоты. Такое женское решение называется в народе «хозяйка своей судьбы».

Антонио прислал письмо с предложением всего, что смог наскрести,— рука, сердце, ресторан. И по мелочи: тёплое море, безвизовый въезд на многие курорты.

«Ни за что не соглашусь, ведь я же не дура!» подумала про себя Ирина, чем навсегда убила любые наши допущения о женской логике.

Антонио прислал ещё письмо, там было больше страниц и в трёх местах чернели дырки от слёз, обугленные по краям. Она опять не ответила, потому что ходить замуж без любви ей не велела великая русская литература. Только за это, я считаю, Тургенева стоило бы защекотать до творческого паралича.

Тогда Антонио сам приехал. Загорелый, синеглазый, с волосатыми ногами. Подарил теще цветы, назвал мамой.

Хитрый чёрт, я считаю.

Ира сказала:

—Послушай, Антонио, ты милый, но выйти за тебя я никак не могу. На вот тебе борща. Поешь и езжай назад.

И дала ему ложку.

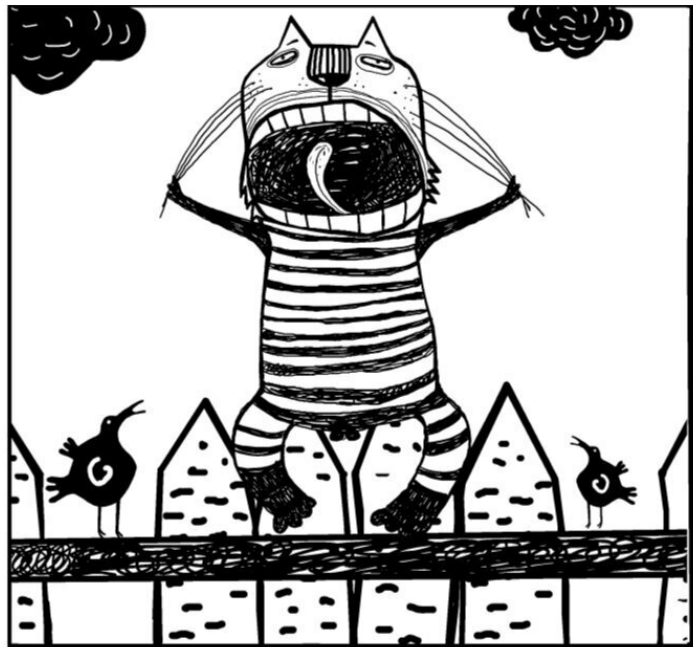
Послушайте, девочки, я много повидал. Если богатый киприот просит у вас жениться, не пытайтесь его отвлечь борщом. Это раздражает.

Антонио встал из-за стола и сделал такое, за что можно навек простить мужчинам их патологически волосатые ноги. Он швырнул ложку в окно (попал!) и заплакал. И сказал, что не ест приехал, а за невестой. И медленно так, рыдая, побрёл к выходу. А у гордых женщин нашего рода совершенно нет иммунитета против рыдающих богачей. Их глупое женское сердце, вопреки себе, всё ревущее жалеет.

«Да пошло оно всё в жопу, выйду замуж по расчёту», решила про себя Ирина. И я опять не понимаю, как относиться к женской логике.

Дальше в сюжете идут сопли с сахаром, я их терпеть не могу.

Это был единственный случай, когда абстрактный мужчина переубедил женщину нашего рода. И наверное, последний. У меня теперь есть родня на Кипре. Моя тётка ездила, говорит Ирка сама руководит рестораном, учится бросать в окно ложки, но ещё ни разу не попала. В народе это состояние называется «счастливая дура».



У нас было принято драться заборными досками. По субботам. Доски были частью нашей танцевальной традиции. После танцев полагалось оружие вернуть, откуда взял. Можно было не прибивать, хотя бы побросать под вишни. Селяне сами всё приколачивали на место таким гуманным способом, чтоб боевая доска легко отдиралась и гвоздей из нее не торчало. У нас очень культурная была станица.

Летом 1985-го чемпионом по фехтованию на досках стал Паша Пятаков. Его все боялись. Его сила была в несчастной любви. Понимаете, есть такие мужчины, они любят на смерть. Если их не допускать к родным коленям, они могут взорвать сельсовет, отдубасить дискотеку и совершить ещё много разных красивых глупостей.

Паша любил Лену. А она его игнорировала. Женщины вообще боятся мужчин с фантазией. Стоит раз поцеловать ручку её двери, заглянуть ночью в окно или украсть туфлю, чтобы было с чем спать в обнимку,— сразу убегают. Женщины трусят настоящих чувств, вот что я вам скажу.

Сначала Паша боролся с чувствами православным способом. Он много и убедительно орал на икону Николая Чудотворца, просил прекратить половодье чувств. После молитвы выходил с красной рожей и вспотевший, очень старался. Портрет оказался неисправен. Еленины колени стали грезиться Паше днём при открытых глазах.

И тогда он вскрыл вены. В тазу, как настоящий эстет. Не за тем даже, чтобы она шла за гробом с распухшим от слёз носом. Паше просто было невыносимо. Очнулся он в палате среди алкоголиков, под глазом синяк, вдуше всё те же колени.

И тогда Пятак стал драться на дискотеках. Ну как драться: все люди как люди, а он вёл себя ужасно.

Знаете, у викингов в раю наутро отрастали новые руки-ноги, взамен отрубленных. Так вот Паша дрался, будто он викинг, уже умер и наутро всё вырастет вновь. А станичники ж не знали.

И деревенская драка стала делиться на два акта. В первом бойцы враждебных кланов вяло машут досками и обильно угрожают «щас как дать».

Во втором врывается Паша, гонится хоть за кем, ався дискотека улепetyвает. Потому что ну его, дурака, к чёрту.

Однажды Паша набегался по драке, но удовлетворения не получил. И метнул свою доску вслед трусливым негодьям. Паша был хорошим мечником, но как метатель досок страшная бездарность. Оружие перелетело поле боя и попало в непричастную девушку Таню.

«Ну ты и мудак!»— подумала дискотека.

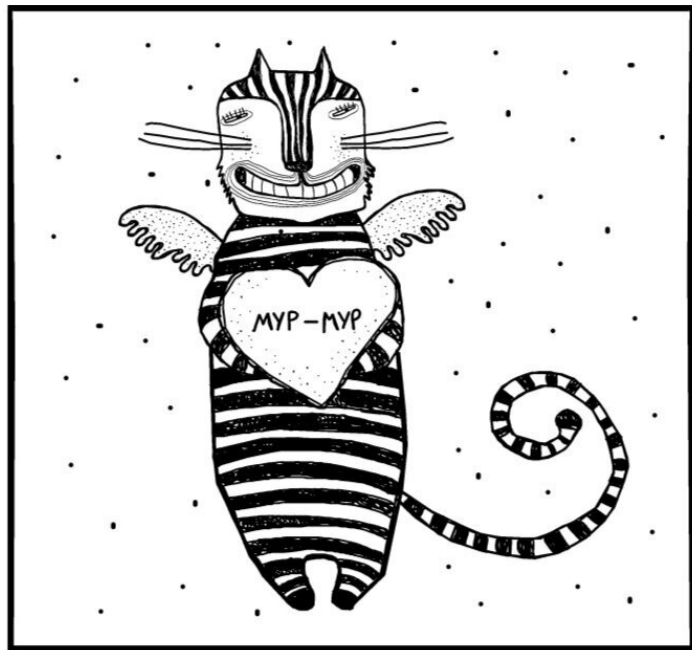
—Ну я и мудак,— согласился Паша и два километра бежал до больницы с раненой Таней на руках.

Доктор сказал, пусть Таня полежит до понедельника, а то пусто в отделении. Паша два дня сидел с Таней, перевязанной в районе гипотетического мозга. И уже вот-вот история бы закончилась хорошо и ожидаемо, но пришла Елена. В

гневе. Она сказала, хватит её позорить, иди домой, картошка стынет. И добавила со значением, глядя в сторону:

—А то некоторые бабы совсем оборзели, готовы голову себе откусить, лишь бы захватить чужое.

Чтобы до конца прочувствовать эту историю о победе любви, включите скорее какую-нибудь слезоточивую песню и давайте плакать хором.



Если вы ненароком полюбили кота, вовсе необязательно на нём жениться.

Раньше я избегал с котами отношений, потому что не знал про них столько хорошего. И выращивал дома только два биологических вида: жену-человека и некрупных мух. А когда встречался глазами с бездомным котиком, вспоминал про блох и оборванные занавески. И оставался твёрд.

Другое дело ангелы. Не разводить ангелов я не обещал. А это как раз был ангел в образе кошачьего ребёночка. Он из скромности притворялся котиком, но меня не проведёшь. Я сквозь шерсть и когти различаю всех, кто суть смирение и добродетель. И в быту пахнет белыми нарциссами. Он сидел на лестнице у двери и вежливо поздоровался одними ресницами.

—Смотри, кто к нам пришёл,— сказал я Люсе.

Люся знает про мою твёрдость. Она подумала, я рад котёнку, потому что сейчас его съем. И стала защищать животное с наивной женской хитростью.

—Давай, – говорит, – пусть он сегодня останется, а завтра мы повесим объявление в подъезде, вдруг это соседи себе на ужин купили.

Я предложил временно присвоить коту какое-нибудь

незатейливое имя, например, Певица Женя Отрадная. Это очень воспитанная певица, давно хотел себе такую, но вряд ли мне разрешат принести её в дом. Люся избегает заводить певиц без родословной. Они-де блохастые, всюду гадят и лазают по столам. И катаются на занавесках. И мы назвали кота Пётр Ильич Чайковский, очень логично, по-моему.

В четыре утра Пётр Ильич выкопал в паркете ямку, и в доме запахло моей нетвёрдостью. Я весело прыгнул с дивана и пополз искать. Искал-искал, искал-искал,— нету. Запах есть, а источника нет.

Опять искал-искал, думаю, всё. Надо звать кота и начинать душить-душить, пусть признаётся. А оказалось, он всё собрал, отнёс в ящик с песком и похоронил. То есть и правда ангел.

На следующий день мне придумалось оставить сантехнику и уйти в великие русские писатели. Только непонятно было, что отрачивать сначала, бороду или парадигму русской духовности. Поскольку холода ушли, а грустные без кота соседи остались, начал с парадигмы.

И сел писать:

Объявление

Нашёлся котёнок. Цвет— леопардовый металлик. Ласковый, сзади небольшие бархатные яйца детского

размера. Отзывается на имена Кузя, Тобик, Лена, Петя и Куда-вы-дели-пульт. Смешной, ночью кусает всех за пальцы ног. Кушает хорошо, на горшок сходил три раза, по нужде и просто так, из интереса. Умный, как Фейхтвангер.

Если это ваш котёнок и вам безразлична его судьба, напишите здесь комментарий, и я раз в неделю стану вывешивать интересные истории про его личностный рост.

Меня теперь вот что беспокоит: если человеческий самец (38 лет, 85 кг, лысый) приносит с улицы котёночка, он ещё мужчина или сразу малахольный идиот?



Любой мужчина мечтает напиться, сесть не в тот самолёт и чтоб наутро Барбара Брыльска гладила его пальцем по щеке. Поэтому баня для нас больше чем баня. И ещё мне сказали: будет ужин, всё домашнее, поросёнок с яблоком во рту, огурчики, пирожки с черникой. И я согласился.

Баня маленькая, двухместная, мне выпало мыться с Колей. Гости смотрели нам вслед с пониманием. Все были в

курсе, Коля родился и вырос в мартеновской печи. При виде тазиков он дуреет. В нём просыпается огненный монстр, демон веника и пара. А я ж не знал. Я шёл просто мыться и говорить о женской вредности.

Он надел шапку, перчатки. По глазам было видно: надел бы и валенки – не было. Сказал, надо поддать. Поддавал, пока не взорвался градусник.

–Ну вот, теперь хорошо,— обрадовался Коля.

Меж тем в парилке настало ядерное лето, всё вокруг сделалось лиловым и малиновым, как на Венере в середине августа.

На всякий случай я показал Коле жестами, какой я несчастный. Как бы намекнул, что сдаюсь и готов уже перейти к пьянству, самолёту и Барбаре Брыльской.

Коля сказал, сейчас мы восстановим мне оптимизм. С трогательной заботой к моим неурядицам он взмахнул веником как-то по-самурайски. Примерно на втором ударе из меня выбежали все микробы, в том числе полезные. Тогда же открылась разница между баней и процессом распада ядра. И ещё я понял, кого из гостей планировали подать к столу с яблоком во рту.

На третьем ударе я отрёкся от гелиоцентрической модели

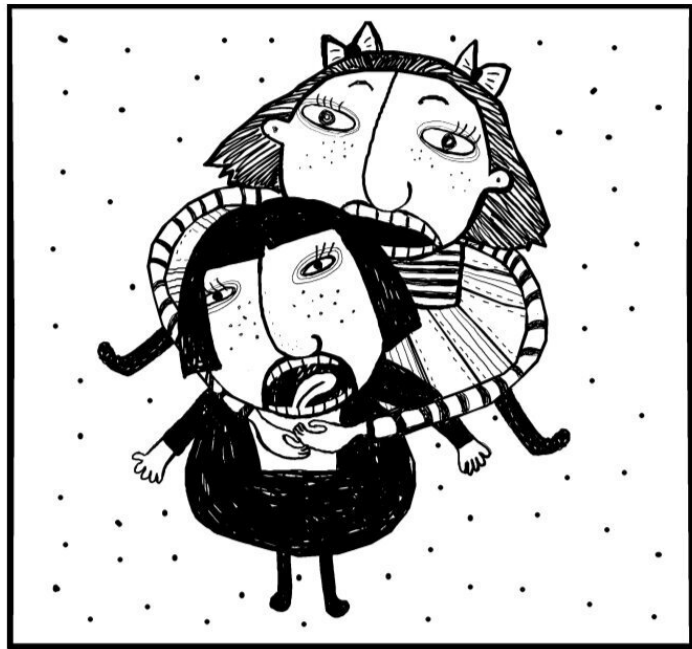
мира в пользу плоской земли, плывущей на черепахе. Всё, говорю, Коля, никто нигде уже не вертится, только не надо больше вот этого.

В ответ Коля показал, как делают припарки. Ну, которые мёртвым ни к чему. Конечно ни к чему. Кому ж надо, чтоб мёртвые бегали по бане, жалуясь на ожоги.

Потом, когда я всё-таки выжил и ел пирожки с черникой, складывая их в столбики по три, и все гости казались мне одной сплошной Барбарой Брыльской, Коля рассказал Очень Короткую Историю.

—Однажды я мылся со сталеварами. Думал, сдохну. Было очень жарко, ужасно. Этих мужиков в деревне называли «сталевары». Они вообще беспредельщики. Один выбежал с тазиком под дождь, его ударила молния, он ничего, дальше мыться пошёл.

Так сказал Коля и тревожно посмотрел на закат.



У маленьких девочек бывают дни сплошного несчастья. С утра ещё мёд в кашу налили как-то не так. Не могу объяснить, не так налили. Причём нарочно. Может, надо было нарисовать мёдом по каше ёжика, а вышел инь-ян. А на кой нам инь-ян, если надо ёжика. По любому, аппетит ни к чёрту, и настроение.

Потом, в саду, вместо жёлтой юбки выдали розовые шор-

ты. Нормальные женщины за такое уходят в дождь в одной ночнушке, хлопнув дверью по голове всем этим мерзавцам. Но Ляля всех простила. И обиду ничем не выдала, лишь чуть оттопыренная губа стучала по коленям.

И почему, скажите, нельзя добавлять в компот горошек? Прекрасный горошек, красный, синий, полпачки пластилина на него ушло, всем бы пить и радоваться,— отобрали, наорали.

До ужина сплошная смурдятина. На ужин дали детскую национальную еду спагетти. Между прочим, если ребёнок немножко испачкал соусом брови, необязательно ржать и говорить: «Оближи их». Не семья, а лошади пржевальские, в эмоциональном плане.

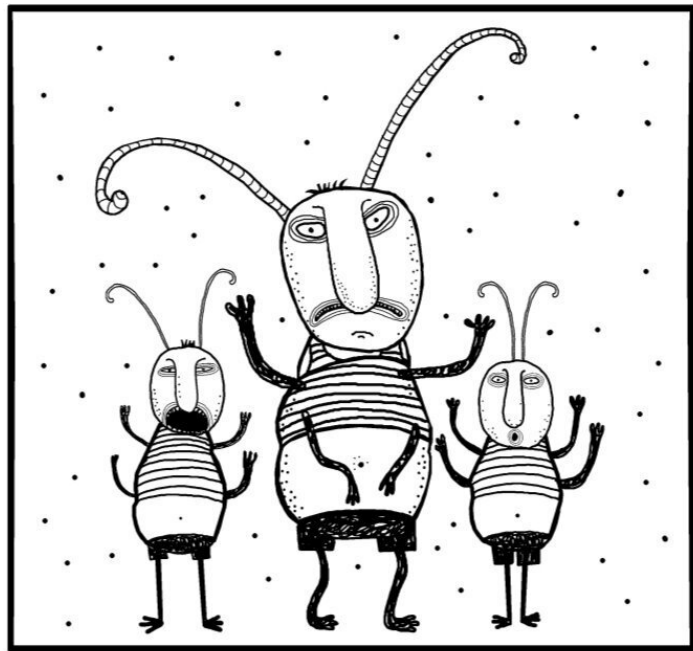
А вечером Ляля слепила домик. Из одеял и табуреток— будто гнездо из веточек и пуха. Но Машка, пьяный гунн в жилище патриция, грохнулась на домик пузом. И сил на аргументы с цитатами из Канта не осталось. Предупредительно пнув сестру ногой, Ляля применила боевой укус, как в фильме «Чужой». Может помните, в том фильме нервный инопланетянин с раздвижными челюстями объяснял американской женщине Сигурни Вивер, что любопытство— грех.

Ляля сделала инопланетное лицо и, зачем-то глядя мне в глаза, потянулась зубами к Машкиной спине. Казалось

бы, такое невозможно, человек не способен укунить вогнутый предмет, например внутреннюю поверхность сковороды. Это же детский рот, а не створки морского паромы. Даже саблезубые, даже доктор Лектор начинали есть сестёр с других, более удобных мест. Поэтому отец (то есть я) сидел, смотрел и никого не спасал. Меж тем Ляля распахнула многозубую пасть на отрицательный угол и вцепилась любимой сестре в позвоночник. Потому что если ребёнок взбешён, он перекусает весь юрский период со Спилбергом во главе.

Маша орала очень громко. Ей показалось, что от лопаток до попы в ней теперь пауза. Я орал потому, что генерал-майор семьи должен орать. Если начальство не орёт, добру ничём не победить. Ляля тоже орала, чтоб помнили, кто тут самая несчастная. Всё вместе это называлось «поиграть перед сном в спокойные игры».

После, конечно, мы мирно пили чай с баранками, приветливо показывали друг другу язык и грозили потом устроить. А всё оттого, что тёплый семейный вечер—очень широкое понятие.



В квартире 19 живут лучшие шорты микрорайона. Зовут Марией, 28 лет.

Вызывает нас однажды, садится на корточки и показывает рукой куда-то вдаль, под ванну, где темно и трупы тараканов. Там течёт, говорит.

И мы стали смотреть. Я – на женские колени, Игорь — на

пейзаж в целом. Он в ногах совсем не разбирается, неандерталец.

Вид на Марию открывался чудесный. Холмы переходили в долины, долины бежали за горизонт, в декольте были различимы трусы, на такое можно смотреть бесконечно, как в водопад.

Мария,говорим мы,боже ж мой! Всё исправим, заменим на новое, заграничное. Если надо, выйдем в ночную смену.

Сантехники вообще отзывчивы к прекрасному. От позднего Модильяни по шорты Марии включительно.

Мария отвечает, хорошо, приходите завтра.

Потом я спрашиваю, Игорь, ты хоть видел, куда она рукой махала, где течёт-то? Вдруг там вишнёвый компот, или огурцы взорвались, под ванной. А он только вздохнул в ответ.

Вы не представляете, какие артефакты некоторые хранят под ваннами.

Например, одна старушка держала там дохлую кошку. И жаловалась на запах. Игорь пришёл— увидел—натошнил, с испугу. Выходит весь бледный. Извините, говорит, мы не можем исправить случившегося. Мы не боги, кошек воскрешать.

Так вот, про шорты. Когда мне с утра разбивают сердце,

я весь день молчу. А Игорь наоборот, рассказывает случаи про любовь.

В армии ему повезло встретить женщину с огромной задницей. Но она оказалась холодна. Во время секса лузгала семечки. Игорь до сих пор не залечил рану в душе. Две жены сменил, а бывшее не отпускает.

В прошлый его рассказ женщина вообще-то грызла яблоко, но это ничего.

А с другим нашим знакомым, Петей, она курила «Беломор». Я так понимаю, от неё многие пострадали.

От разных людей я слышал, как она во время секса:

- смотрела в окно с пятого этажа;
- читала роман, Кафку;
- говорила по телефону с мамой;
- насвистывала увертюру к Кармен композитора Бизе.

Думаю, это очень умная женщина. Ни с кем она не вязала носки на пяти спицах, что ужасно неэротично. То ли дело— курить, кусать яблоки, свистеть и смотреть в окно. Невероятно будоражит.

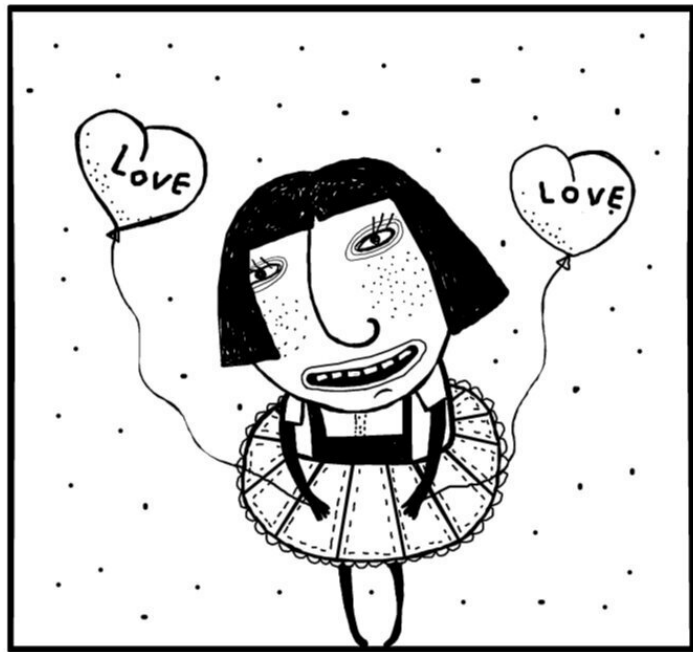
К обеду Игорь разволновался, стал проницателен, как дельфийский оракул. В квартире 32 отвалился смеситель. Игорь сразу понял: хозяева в ванной практиковали коитус, подруга держалась за кран и оторвала к чертям.

В квартире 53 пожилая алкоголичка Зинаида Петровна вышла к нам в атласных панталонах. Тоже специально. Соблазнить хотела, старая карга.

И до самого вечера определял по походке, кого стоит клеить, кого нет.

Вечером я повёз его к проституткам. Они у нас вдоль шоссе стоят. Сам-то я ужасно стеснительный и нипочём не отдам поцелуя без любви. Ну, когда припрёт, пишу в интернете рассказы про чужую страсть. А Игорь после встречи с задастой женщиной иногда срывается.

Вот ездили мы, выбирали-выбирали, все страшные какие-то. Лучше на передовую, чем с такой целоваться. Даже наша Зинаида Петровна в атласных трусах краше. Потом видим, идут две, ничего себе такие. А это оказались обычные девчонки, только сильно матерящиеся. Тримя ёмкими фразами они погасили Игорю либидо на весь остаток лета. Ошибся, блин, оракул. И тогда, неусталые и недовольные, мы поехали домой.



Знакомая тётя влюбилась в троллейбусе, хоть её муж даже ещё не умер, а просто лежал на диване с газетой. Она вступила в преступную переписку, полную интимных подробностей.

(У меня полно знакомых тёть, живущих интересной жизнью.)

А её телефон в душе был демоном. Он тётины письма отправлял избранным родственникам, для ознакомления.

Родственники читали с большим интересом. Никто не возмущался. Всем хотелось знать, что скажет Луис Альберто в последней серии.

Тётин же свёкор решил: все эти страстные эсэмэс, «во сне целовала твои руки» и «всюду слышится твой смех»— всё ему. Он был принципиальный оптимист.

И надел галстук, купил тюльпанов, презервативов, побольше. Пришёл и говорит: так и быть. На всё согласен. Давай начнём новую жизнь прямо тут же, на кухонном столе.

В ответ тётя ударила свёкра итальянской сковородой Балларини.

Раненый точно в ум свёкор вернулся и наябедничал свекрови. И сразу у него на лбу стало два отпечатка, один итальянский, другой неразборчивый, неизвестной китайской фирмы.

Свекровь пошла к невестке, спросить о дальнейших перипетиях в сюжете. Они пили чай и расстались, довольные друг другом. Даже целовались. И все там довольны, даже муж лежит по-прежнему с газетой, в его рогах пауки свили город. Ему только газеты перезаряжают раз в сутки. Хороший муж, тихий.

У женщин фантастическая способность договариваться.

Они убеждают и объясняют, не обращаясь к разуму. Они передают суть, не обременяя память деталями.

Вот например, Маша рассказывает про Пушкина. Путает термины, но смысл верен:

«Жену называли нехорошим словом, и Пушкин вступился за её имущество. Тогда враги вызвали Пушкина на олимпиаду и стрела попала прямо в грудь. В общем, умер. И вот, папа, я всё хотела спросить. Что такое секс?»

Пассаж про Пушкина мне понравился, вопрос про секс не очень. Сам я представляю, что это за штука. Даже попробовал на себе, несколько раз. Но объяснить не возьмусь. Будь я женщина, передал бы в пантомиме. В крайнем случае, рассказал бы на примере нашей бабушки.

Но Маше 7 лет, ей рано знать всю правду. От неумения правильно, по-женски наврать, я нем и беспомощен.

Или вот. Один сантехник, Иванов, решил отомстить клиентке. Она недоплатила 200 долларов и сильно пошатнула веру Иванова в добрых фей.

За это он пробрался в подвал (жадная женщина живёт на первом этаже) и через лючок ревизии вставил в канализацию надувной шарик. И быстро-быстро надул. Кто не знает: шарик держит столб воды высотой в два этажа.

Назавтра удивлённый унитаз жадной женщины сам себе

казался Везувием. Он извергался и рокотал. Женщина бежала по этажам, уговаривала соседей носить своё ка-ка на работу. Соседи обещали, а сами всё равно. По привычке. Потом вспоминали, конечно: «Ой, эта, снизу, просила пощады». Им становилось стыдно, но не очень. Потому что говно не подписано, поди разберись, кто предал. Вечером шарик лопнул, но Иванов отомстил ужасно.

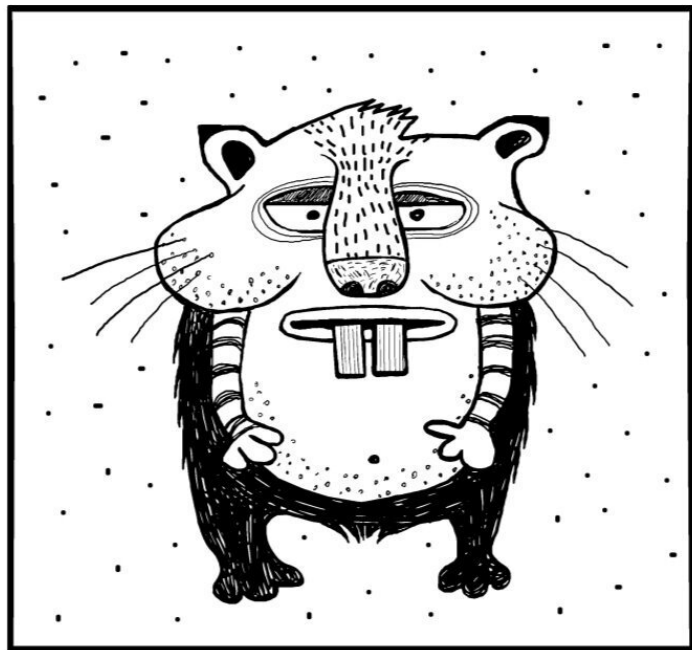
А через неделю звонит Иванову другая женщина, сростерянным голосом. В унитаз упала серёжка. С бриллиантом. Семейная. Стоит тридцать тысяч долларов. Если вытащите, получите десять процентов. Или даже пятнадцать. Только я её нечаянно смыла.

Прошло всего десять минут, а Иванов уже разбирал подвальные трубы, обращаясь к ним: «Вы ж мои бриллиантовые».

Он знал все места, где скапливаются тяжёлые фракции. Он сначала брезгливо ковырял палочкой, потом адаптировался, притащил сито. Как в фильмах про старателей. Через шесть часов унижительного труда возникло подозрение. Весь в результатах своих поисков, он побежал в квартиру заявителя, там сидела жадная женщина с подругой. Они пили кофе и глаза их были такие голубые, что Иванов понял: обманули! Только другими, более точными словами.

И я опять не знаю, что сказали женщины. Только Иванов не стал в тот день убийцей. Наоборот, теперь он пишет жадной женщине эсэмэс интимного характера. И недалёк час, меж ними случится то, что я испытал, но описать не в силах.

И кстати, так и не придумал, что сказать Маше.



Маша повстречала хомяка. Одинокий, прекрасный, как Джонни Депп и такой же нужный в хозяйстве. Он переползал дорогу в опасном месте. Рост средний, шатен, глаза груст-

ные, холост. Он явно пережил травлю, непонимание и планировал умчаться вдаль розовым пятнышком на скате грунтовой крыши. Но встретил Машу.

Ну как вам объяснить про девичье сердце. Вот через дорогу ползёт Джонни Депп. Трезвый, несчастный, пушистый. Разве б вы не принесли его домой? Я бы— ни за что!

Теперь он живёт у нас в шкафу, в тазике. Из еды предпочитает хлеб, салат и немного туалетной бумаги на сладкое. Очень воспитанный.

Кот сначала думал, это мы ему принесли. Смотрел на нас с удивлением и благодарностью. Он с детства хотел хомячатишки. Ему редко приносят китайскую еду из ресторана—птиц, лягушек, хомяков.

Коту объяснили газетой по ушам: хомяки нам друзья, а не жиры и витамины. Теперь кот считает, мы дураки ненормальные. Сегодня не жрём хомяков, завтра дружим с пиццей, целуем в нос сардельку и недалёк тот час, мы женимся на бутерброде.

Вот сейчас ручка двери поворачивается, как в кино про маньяков. Это кот хочет на себе доказать, хомяк—вкусный и полезный зверь. А дружить лучше с кошками, они хотя бы обаятельные.

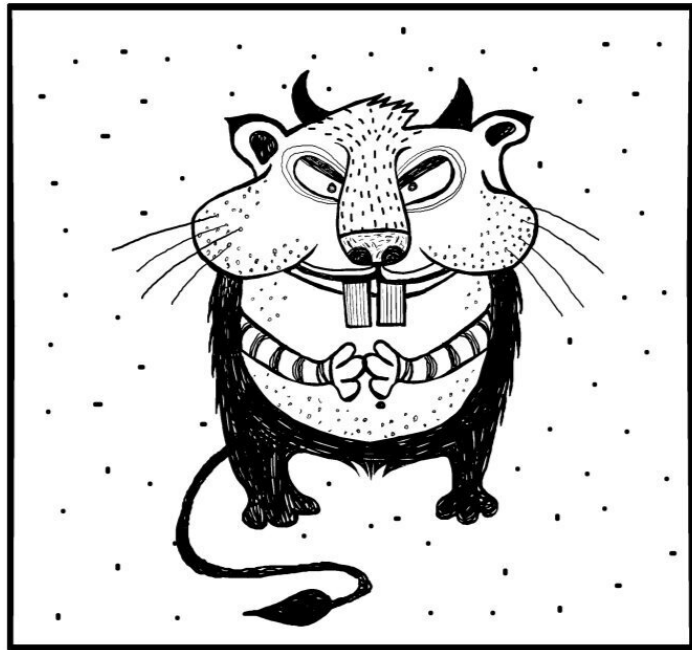
А ночью этот мешок кашепок сбежал. Наш шкаф—отдельная комната. Там всё пропадает, особенно носки, которые ползают, вопреки заверениям производителя. Теперь вот хомяк.

Всю ночь осатаневший кот целовал дверь шкафа. Под утро стал биться в неё головой.

«Да что за жопа, опять травля и непонимание», подумал хомяк и ушёл жить куда-то в район старой обуви. Пришлось пустить по следу сами знаете кого, у него встроенный GPS-навигатор. Кот быстро определил, какой из тапок содержит хомяка, получил газетой по ушам, ушёл на подоконник и теперь воет по-японски: ай-йю, ай-йю.

Люся сказала, этот хомяк— женщина. Господи, вдруг он ушёл из дому, потому что забеременел и боится признаться отцу? Теперь родит шестнадцать разноцветных младенцев неизвестно от кого. Я не думал промышлять хомяками в ближайшие годы.

Столько событий, столько событий, пойду на работу, отдохну.



Сейчас три часа ночи, хомяк громко кушает железную клетку. Ему вкусно. Он чавкает.

Знаете, я хотел бы и дальше писать про чёрствый мир длинноногих женщин. Или из жизни сантехников, ироническое. Или кулинарные тонкости— отцу на заметку: «Дети любят воблу с чаем, а пиво отвергают».

Но теперь это дневник хомяководы, ничего не поделаешь.

Три дня назад он как бы сдох. Были все приметы. Клетка брошена на солнце, в ней лежит хомяк, лицом вверх, лапы скрестил и улыбается. Такой безмятежный, что никаких надежд. Мне сказали, они нежные как вампиры, мрут от тепла и солнца. Я трогал пальцем тёплый пузик и не знал, где найти такого же, пока Маша и кот не расстроились.

Когда-то в Риге была клиника по хомякам, частная. Туда сдаешь простуженного, с оторванной лапкой, простреленного насквозь хомячка. Назавтра забираешь— он уже здоров. И как раньше, не отзывается на имя, значит тот же.

Лечение стоило дороже норковой шубы, но мы в ответе за тех, кто так забавно грызёт по ночам железные предметы.

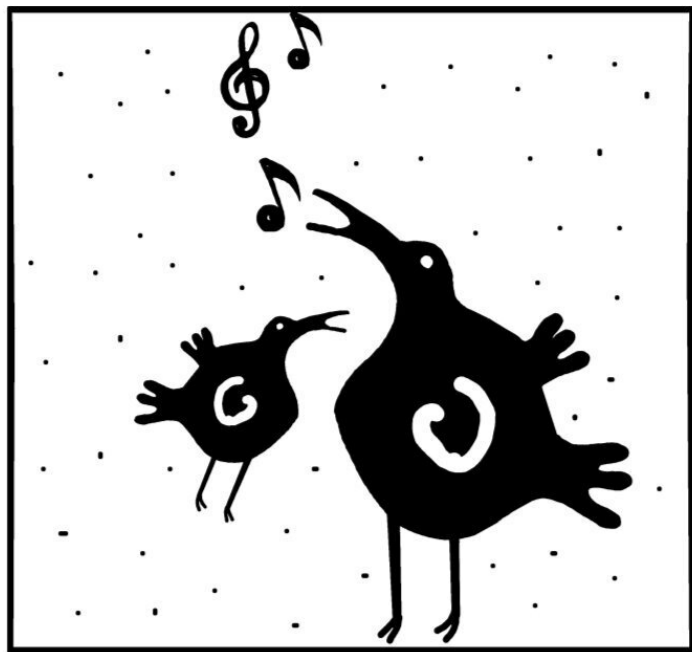
Я покатал усопшего в ладонях, пульс не нашёл. За ногу понёс в мусорник. Тут он открыл глаза и что-то такое сделал ртом, может, они так зевают, непонятно. И ещё он посмотрел так, недоверчиво, что ли.

Понимаете, Маша с ним играла, играла на износ. Он очень устал. Проснулся— уже всё, несут на помойку.

Думаю, я не первый хозяин в его жизни. Может быть, пятый. Он очень крепко спит. Ему главное потом выбраться из мусорного бака, когда снова недопоняли.

С его зубами это просто. Граф Монте-Кристо таким оборудованием сточил бы замок Иф, скалистый утёс, одежду и личную утварь тюремщиков всего за неделю. Графа бы выгнали из всех тюрем с пометкой «грызун и сволочь».

И ещё эти зубы, они ядовитые. Укушенный фотоаппарат мгновенно умер. Поэтому я не могу его сфотографировать и показать. Возьмите сами в интернете харю абстрактного хомяка. Если интересно. Всё равно они имён не различают.



Хорошо Александру, он врач, брюнет и композитор длинной 192 сантиметра. За одно это женщины мечтают зарыться носом в его свитер. И позволяют ему не уметь вкручивать лампочки.

Конечно. Если ты красив как гвардейский конь, можешь и мусор не выносить. Просто сиди в кресле, пей шабли, регулируй доступ к свитеру.

То ли дело мы, невзрачные крепыши. Нас не мучает вопрос, куда деть сотни изнывающих от любви женщин. Никто не сморкается нам в свитера даже за деньги. Привлечь внимание какой-нибудь пастушки мы можем, лишь приковав её к батарее. Мне, например, приходится быть сообразительным и даже искромётным. И проникать устройство опасных бытовых механизмов.

Поэтому я разбирал диван, а Бекназаров, эта красивая, но тупиковая ветвь эволюции, допивал шабли. Потом я пошёл в душ. А он лёг и всё сломал.

Над Москвой меж тем вставало розовое утро.

Понимаете, это была наша общая кровать. Так сложилось. В чужом городе, в гостях. Мы делали вид, будто ничего такого, два самца в одной постели. Время тяжёлое, кроватей всем не хватает, у мебельщиков неурожай.

С Бекназаровым, кстати, спать нормально. Он почти не храпит. Он почти идеал, на женский вкус.

Так вот, Александр сломал нашу кровать, пришёл к ванной и стал жаловаться сквозь дверь. Родись он невзрачным крепышом, сам бы и починил. Но он большой и красивый. Поэтому без меня не может. Я ловлю нам такси, читаю надписи в аэропортах. Объясняю, что «50» в маршрутке это рублей, а не евро. И ремонтирую всё, к чему он прикасался.

И вот стою в душе, а он тревожно так орёт:

—Слава! Слава!

И дальше невнятное, про неудачную конструкцию мебели, что хочется спать, все ушли и почему я не отвечаю.

Любая речь сквозь дверь неразборчива. Как-то жил я в общежитии с одной пастушкой, а за фанерной стенкой ночевала семья алкоголиков. Они разговаривали, и мы разговаривали. По утрам женщина-алкоголик делилась:

—А я своему говорю, помолчи, дай послушать, о чём люди говорят. Ведь что интересно, Вячеслав, голос ваш слышен, будто вы напротив сидите. А слов не разобрать. То есть совсем.

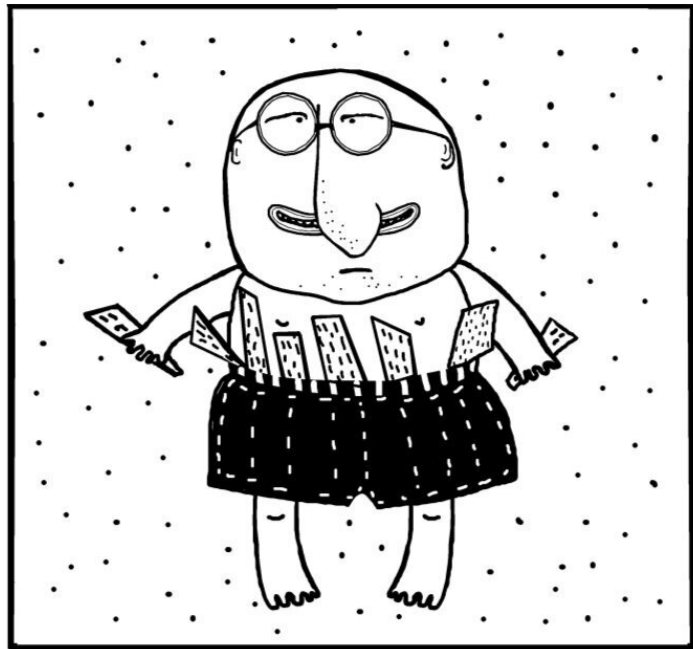
Зная такое свойство фанеры, мы с пастушкой болтали вслух о чём угодно, а любили только шёпотом.

Так вот. Я не понял сквозь дверь, чем не понравилось Александру это розовое утро. Подумал только, что хочу побыть один, хоть недолго. И не открыл ему, и не ответил.

А когда вышел, он уже спал на руинах дивана, как усталый моряк на обломках шлюпки.

Дальше была неприятная сцена. Я ругался высоким голосом: «Вставай-сволочь-сколько-ты-будешь-пить-мою-кровь!» Тряс его и пробовал стащить за ногу на пол. Подробнее вы можете посмотреть в фильме «Бриллиантовая рука», где Нина Гребешкова будит пьяного Никулина и спрашивает про пистолет и деньги, откуда это. А Никулин отвечает очень логично: «Оттуда!».

Я дулся потом на него до самой репетиции. Но Бекназаров, мало что врач, брюнет, 192 сантиметра и композитор. Он же ещё и баритон. Как на такого сердиться. Помирились, конечно.

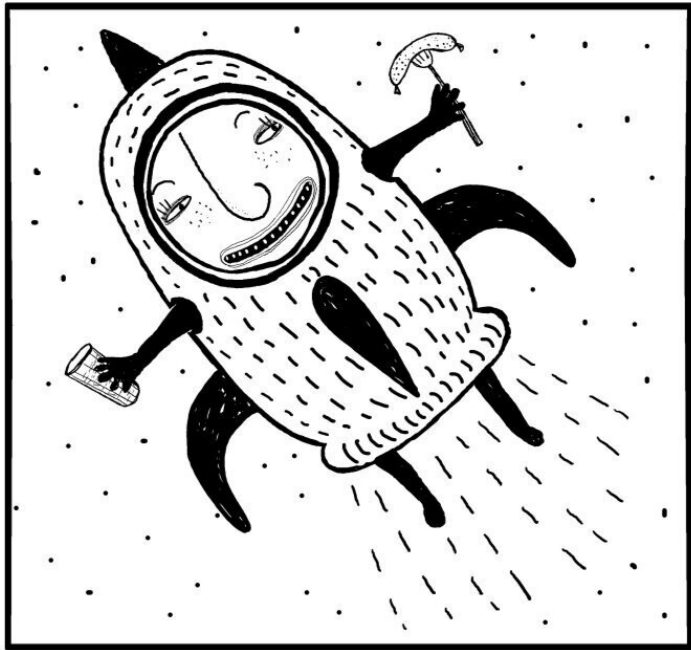


Знакомый художник по паркету прятал в трусы отдельные фрагменты своего творчества. Ему не разрешали ничего выносить с работы. Три года задница пылала от заноз. Зато теперь его личный пол дороже всех квартир подъезда. Мозаика из редких пород дерева. Он в гостиной выложил готическими буквами имя жены, а вокруг такие, как бриллианты только из дерева.

Теперь окон не открывает, чтоб не повело. Сквозняк паркету вреден. По углам градусники и гигрометры. Следит за температурой (должно быть 22 градуса) и влажностью. Постоянно в напряжении. Мебель на войлочных подушечках.

А жена ушла, к таксисту. Ей в браке дороже оказалась возможность трахнуть об пол банку маринованных помидоров. Она неделю там уняться не могла. Роняла невзначай мокрое, режущее и горячие блины. И форточки открывала и закрывала хаотично, без всякой системы. Издевалась над линолеумом как могла.

Или наденет каблуки и ходит. Ей нравилось, какой таксист не нервный абсолютно.



Вчера, в половине пятого, Ляле открылась тайна происхождения нашей семьи. Знание поступило прямо из космоса, в перерыве между сосиской и компотом.

Пересказываю.

Мать детей моих Люся Незабудкина жила всегда. Она вечная.

Первым она родила меня. Потом Лялю. Мы с Лялей хо-

рошо играли, но вдруг я родил Машу, эту вредную сестру.

Потом Незабудкина родила кота Чуню. Чуня в животе щекотался усами, Люся от этого хохотала.

Так сказала Ляля и весело посмотрела в компот. Ляля, когда рассказывает новости про котов, всегда радуется.

Я тоже съел сосиску, но умней не стал. Ничего такого по крайней мере.

В моём мироздании люди по-прежнему слеплены из еды и скандалов, мыши рождаются из забытых под диваном носков, а плоская Земля плывёт на черепахе. Если в песочнице рыть яму, упрёшься в твёрдое, это панцирь.

В субботу ездили на край плоской земли, у нас там был концерт. Бард Саша нашёл себе жительницу края земли Люду, в прозрачном костюме. Бард Вова обрёл трудное счастье в лице педагога Светы. Света за искусство готова на многое, особенно пить кровь холостых бардов.

А меня повстречал пожилой поэт Василий. Он до ночи читал мне в грудь поэзию и все приличные женские ноги распугал какой-то сатанинской икотой.

Моему небу жалко для меня женщин. Надеюсь, оно бережёт моё либидо для каких-то крупных мероприятий. А может, просто ем не те сосиски.



Первую помощь оказала Люсьен. Она позвонила подруге Наташе.

У Наташи медицинский диплом, скорее всего Наташа его украла, перебив охрану на заводе дипломов. Других объяснений, откуда у неё диплом, я не нахожу.

Наташа спросила, как выглядит больной.

—Лежит и кашляет,— ответила Люся.

– Это грипп, – сразу поняла Наташа, – дай ему ремантадин, побольше.

Я на пальцах показал, как к тому же драматически охрип, что горло в огне, миндалины как фонари, лимфоузлы как жабры, но танец моих гибких рук никого не взволновал. Если б мне оторвало ногу, а из спины, дымясь, торчал топор, они всё равно б решили, что это грипп, только в запущенной форме.

– Насыпь ему на раны ремантадин, – сказала бы Наташа, – побольше!

Утратив доверие к Люсе, я договорился с Машей на горчичники. Их надо было наложить три штуки: один в центре, и два латерально, в области подключичных борозд.

По нарисованным на груди крестам Маша видела, куда бомбить. Мы сложили горчичники в кипяток, сосчитали до пятнадцати. На последнем счёте Маша вдруг хватает всю кастрюлю и бежит прочь, хохоча. Родителей лучше всего лечить юмором, думает Маша. Я с обнажённой грудью, в нарисованных крестах, кричу: «Вернись немедленно, гадкая девчонка!» – и ещё что-то такое, про ремень и попу.

Маша возвращается. По команде «давай!» с размаху заклеивает мне пупок, что на полметра ниже всех ориентиров. Ей всё равно, в каком месте ремонтировать отца, отец ей дорог целиком.

Потом приходила родная сестра. Принесла «чай из исландского мха». Я его три дня пил, а он оказался от анорексии. Теперь и ночью снится, как я ем.

Интернет посоветовал взять на кончик ножа красного перца и аккуратно высыпать «на спинку языка, где меньше вкусовых сосочков».

Потом быстро запить препарат тёплой водой. Обещался быстрый, яркий эффект.

На случай, если организм решит вдруг чихнуть с ножом во рту, Яндекс советовал применять нож столовый, круглый со всех сторон. В противном случае возможна внезапная ампутация гланд, чего-то я к такому не готов.

Намотал шарф, пошёл в клуб музицировать. Там сразу три шатенки похвалили, сказали, какой я в шарфе милый. Собственно, кроме этих трёх женщин ничего хорошего в ангине и нет.



Каждую пятницу мы с мужиками ходим играть в одно кафе, хоть оно ни в чём не виновато. У нас традиция, дарить своё искусство всем, кто не в силах отбиться.

Местные считают это кафе нехорошим местом. Многие в ночь на субботу уезжают, похватав самое дорогое, в основном котов. Кому бежать некуда, те потеряли интерес к размножению, верят в добрый метеорит, чей прилёт однажды

избавит мир от бардов и особенно – от ленинградской фабрики кривых гитар, из-за которой всё началось.

В кафе работает барвумен Галина, она раньше танцевала в «Тодесе». Так вот, если вы пришли хулиганить, Галина аккуратно навтыкает вам по печени и почкам своими танцевальными ногами. Она никогда не ждёт, пока мужчины-барды встанут и запоют песню-протест в защиту барменш и посуды. То есть нас Галина могла бы отметить даже лучше метеорита, но почему-то терпит.

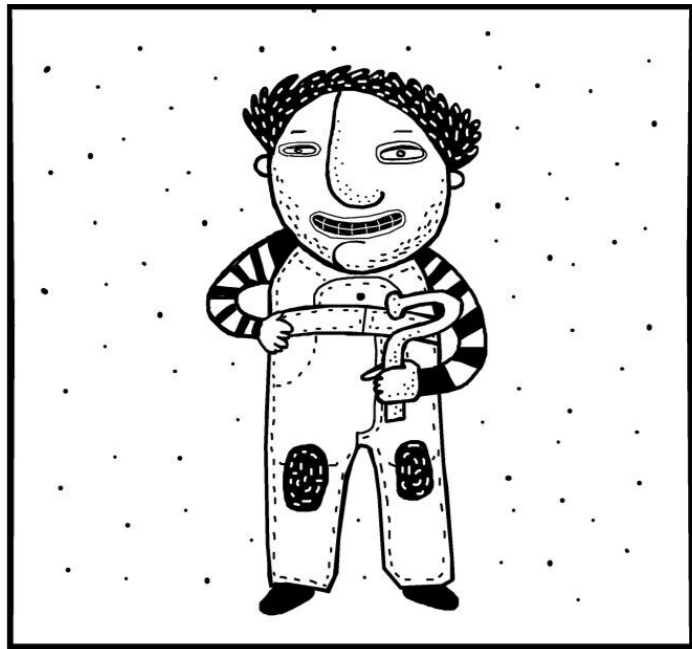
По пятницам я возвращаюсь поздно, в четыре часа субботы. И сразу хочу спать. Кот шурится на меня левым-правым глазом по очереди, ему после темноты ярко смотреть. Потом я в кровать, а у него уже нет настроения. Вчера он раздобыл в плинтусе шуруп и стал играть в хоккей.

Послушайте, мой кот кричит «GOAL!!!», если игра проходит ночью. А днём не помнит.

Во-вторых, в природе нет явлений громче, чем огромным шурупом по паркету. Это ещё хуже, чем уронить рояль или паровоз в какой-нибудь железный таз. Я бросил в кота подряд три тапка. У меня не было под рукой другого оружия от бешеных котов. Потом задумался о парности мужских ног в эту раннюю субботу, и многое не совпало. Так, перемножая в уме тапки с ногами и уснул.

Утром не нашёл ни шурупа, ни тапка. А в обед мне прислали фотку, на ней мы с Володькой напряжённо клеим кукую-то кралю.

Так вот, кралю я тоже не помню. Это очень обидно, когда у памяти провал как раз в том месте, где по документам должна быть блондинка. И я бы не прочь вновь найти эту женщину, спросить, чем ей было плохо в моём вчера.



Тётку из 32-й квартиры прозвали «Батарея капает». Летом всему дому меняли радиаторы. Всем обычные, а ей выпал прибор отопительный повышенной мерзости. Он капал внутри себя противным звуком. Тётка ворочалась до трёх ночи, потом послушно шла спать на кухню. Сделалась раздражительной, ходила непричёсанная такая, с жёлтыми зубищами.

Капало очень коварно, раз в две минуты. На краю засыпания. Только сознание отъедет, сразу: кап!— жестяным и едким капом. Днём почти не слышно, а ночью прямо в мозг.

Тётка из 32-й не была трусом. Если погибать, решила она, то пусть все знают, от чьих рук я сошла сума.

И скоро весь дом и район узнали, где установлен самый подлый в мире радиатор. Шесть сантехников разной степени ума искали лужу, лично управдом искала, один инженер-теплотехник приходил, пукнул в тишине и ушёл. За полгода поисков нашли много навек пропавшего, вывели тараканов, только лужу не нашли.

—Я же говорю, она капает внутри себя,— объяснила пострадавшая этот загадочный случай.

И вот ей посоветовали применить для поисков лично меня. А я уже семь лет как ушёл из большой психиатрии в сантехнику. И как раз чтобы не общаться больше с хозяй-

ками бесноватых батарей, говорящих пылесосов, телевизоров с чёрной душой и других удивительных устройств. Но я вспомнил, как мне не давал спать кот, и согласился.

Мы стояли, слушали. Сначала, конечно, загудели животы, мы сделали вид, что это не наши. Подождали ещё. И вот со шкафа, где часы и заросли портретов родственников этой тётке вурдалаков, раздался чёткий «кльц». Его сказали часы. Знаете, такие, где вместо маятника шарики крутятся. При смене левых вращений на правые в часах кто-то икал.

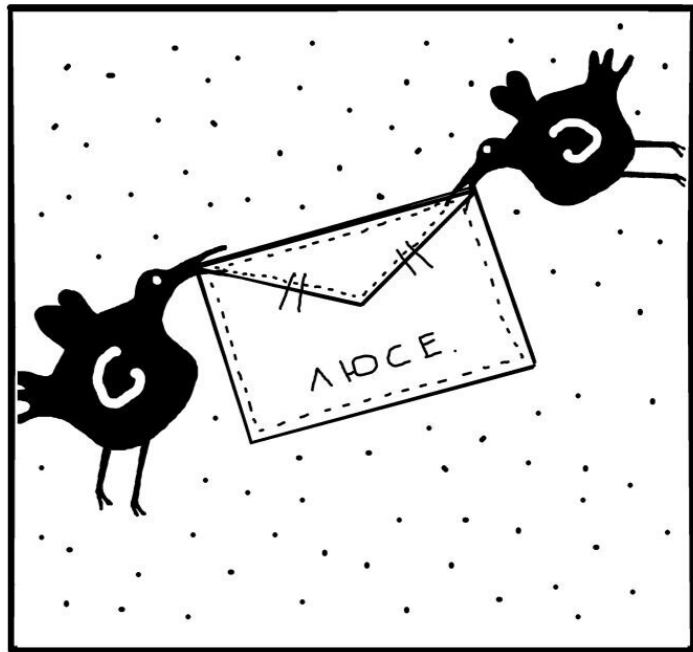
Тётка не хотела верить, пыталась уговорить меня на полтергейста, раз это не батарея. Капающие в мозг родные часы разрушали её картину мира. Но их вынесли на кухню, и капель прошла. Значит точно, они.

Тогда я сказал:

—Послушайте, давайте не скажем никому про часы, а скажем, будто я починил батарею.

Тётка обрадовалась и скрепила нашу тайну большой такой купюрой.

Теперь, став богатым, я хочу сказать, если б не сбежавшая из воспоминаний блондинка, я был бы совсем счастлив.



Самая моя прекрасная, я невыносимо, лопни моя голова, как хочу с тобой говорить, прямо сейчас. Но тебя нет нигде. Поэтому вот письмо. Слушай.

Нас был целый совет директоров. Я заведовал маркетингом. Иногда нам приносили новый кетчуп, утверждать. Это был такой эксперимент на живых директорах.

Макать туда сосиски считалось моветон. Настоящий,

фильдеперсовый директор наливал кетчуп на большой палец, как соль для текилы. Мазок следовало нюхать с трёх сторон, лизать. Потом полагалось смотреть вдаль тревожно, чмокать и говорить, что боже, какая в этот раз получилась грандиозная, бесподобная, потрясающая, удивительная дрянь!

Директор по логистике ещё требовал писать в резюме только матерные слова. Иначе, говорил он, наши экспертные оценки кажутся лестью. Для убедительности вскакивал и яростно полоскал рот. После этого рецепт утверждали.

У нас было пять заводов по всей стране. В каждом две трубы. В первую втекала бурая жижа, три поезда в неделю. Вытекало столько же, никто не хотел эту жижу воровать. Во второй трубе, кстати, текла уже иная, ярких и чистых расцветок жижа.

Всё красное и бордовое мы назначали быть кетчупом. Желтое и белое— майонезом. До сих пор не понимаю, как из одних химикалий получались два таких разных на вид говна. Ну да я же там не алхимиком служил.

Моя работа была выколачивать деньги из еврофондов под дурацкие проекты. Например, 50 тысяч евро на разработку этикетки маринованных огурцов. Папка объяснений— почему так дорого— весила полтора килограмма. Там были гистограммы, слова: фокус-группа, стробоскоп, стохастиче-

ская функция, читабельность бренда, скорость распознавания шрифта, психофизиология восприятия цвета и любимая моя фраза:

«Треть нарисованного огурца рождает больше огуречных эмоций, чем целый живой огурец».

Я клялся создать этикетку, от которой всё живое полюбит огурцы. Толпы огуречных зомби зашагают по улицам. Семья, старушка мать, синие глаза доктора Хауса—всё будет забыто и проклято, стоит жертве угодить в зону действия нашей разработки.

На последнем листе был намалёван эскиз вероятной этикетки с пятном от пиццы. Это финансовый директор уронил свою порцию, прямо на полотно. От удивления. Наш художник Ваня-алкоголик срисовал треть огурца с фаллоса в разрезе из книги «Анатомия патологий». Другой книжки с примерами огурцов у Вани не нашлось.

Никто не верил, что Европа даст денег. Но она дала, потому что добра к искренним идиотам.

Тот год был огуречным. Их уродилось до жопы, если измерять мной, гуляющим в огурцах посреди склада.

Директор по производству придумал способ сэкономить сорок копеек на каждой банке. Надо отменить охлаждение.

Заводской огурец заливают кипятком и быстро охлаждают. Тогда он хрустит. А неохлаждённый огурец потом на ощупь, как детские сопли. Но мы же не знали. Горячие банки грузчики складывали в кубы и заматывали целлофаном. Через неделю банки из центра куба всё ещё хранили тепло. Ими можно было греть радикулиты, насморки и почечные камни, только неудобно.

Наш варёный огурец не разрешал колоть себя вилкой. Это был призрак огурца, магнитные поля, похожие на огурец. Огуречные прах и тлен. От малейшего касания он рассыпался на атомы.

Но всю партию раскупили за месяц. Зелёный в разрезе фаллос поперёк этикетки делал своё дело. Женщины на него так и пёрли.

Это была отличная работа, директором. Но вдруг у меня родилась Машка. Она оказалась самым лучшим на свете огурцом. И я пошёл в сантехники, чтобы каждый день в пять быть дома.

Сначала сильно не хватало денег. Как-то под утро даже приснился способ вновь разбогатеть. Надо было купить в лабазе свиных почек и продать как свои. А что. Я знаю многих людей, им свиные почки были бы к лицу. Я даже смеялся во сне, радуясь своей находчивости.

Мне удалось устроиться в одну контору, менять канализацию в многоэтажном доме. Мы вешали объявления для верхних жильцов «Просьба не какать, внизу работают люди». Люди— это мы про себя. Но некоторые рассеянные жильцы сначала какают и лишь потом думают, что под ними работают люди. Поэтому мы работали в паре, один держал ведро, второй, очень быстро, делал всё остальное. Зато в пять — дома.

Мой напарник Андрюша сказал, я не умею выбивать из населения деньги. Но это ничего, он меня научит. И вскоре нам попалась бабка, не желающая платить за работу. На словах «двести долларов» она ответила, что у неё шизофрения, и вышла из контакта с нашей цивилизацией. И впредь, случайно встретив нас в подъезде, вела себя так, будто у неё сразу три шизофрении по всему телу.

Я предложил Андрею составить для бабки пояснение, почему двести баксов. С гистограммами, с фокус-группой, стробоскопом и стохастической функцией. И с любимой моей фразой:

«Треть нарисованного огурца рождает больше огуречных эмоций, чем целый живой огурец».

Но Андрей пошёл другим путём. Этажом выше он вставил в канализацию такой тройник, через него можно было орать

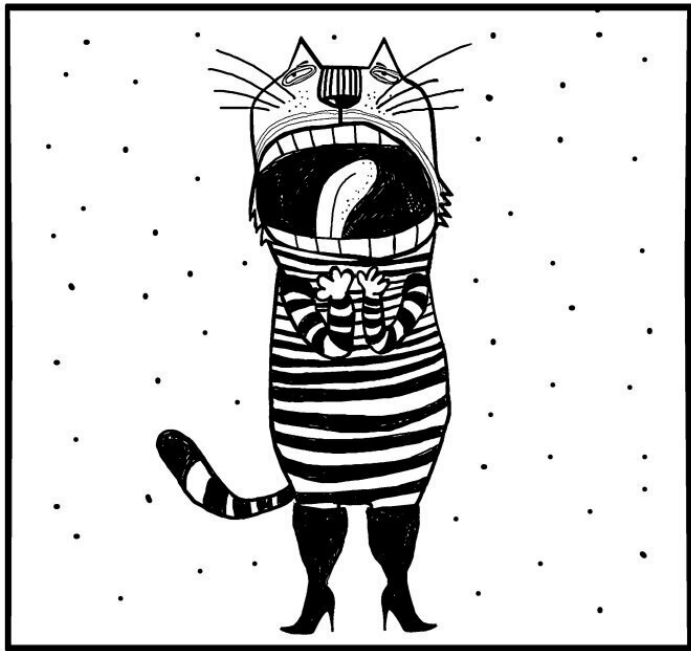
в трубу, не боясь обляпаться. По его планам, однажды бабка зайдёт в санузел по делам, а из унитаза голос:

—Отдай деньги, старая дура!

И правда, раз в час ходил, прикладывался к раструбу и орал, орал в него.

Зато теперь я единственный в Прибалтике сантехник, играющий в академическом театре прямо на сцене, прямо с ролью, в целых двух спектаклях. В мае у меня гастроли в Париже и Бресте. Ещё веду блог в ЖЖ. Умею жарить мясо, на окне выращиваю лук.

Теперь ты расскажи что-нибудь. Желательно, чтоб упоминались твои голые ноги. И это, я очень скучаю.



Кот написал в женский сапог. С его стороны это был мужественный и дерзкий поступок.

Видите ли, женщина из этого сапога способна покорить и изувечить Антарктиду, если расстроится. Избы и кони, лишь её завидев, прекращают гореть и скакать. Даже я, известный на районе смельчак и хулиган, нипочём не стал бы писать ей в сапог.

С утра эта опасная женщина накрасилась, надела дублёнку и сунулась ногой в кошачий поступок. И как-то сразу поняла: кризис добрался и до неё. Судя по лицу, ей хотелось оторвать испорченную ногу от бедра по сапог включительно и похоронить как Нагайну, тут же, на мусорной куче[©]. Но сначала, конечно, потренироваться на котах и котозаводчиках.

—Я куплю тебе такие же!— успел выкрикнуть я, чем спас много жизней.

Тогда она, вся в макияже и дублёнке, сняла чулок и стала мыть ногу прямо при свидетелях. О, это было, как рассвет на горе Фудзи! Будучи ценителем всего прекрасного, я в мыслях поблагодарил кота за такое волшебное утро.

У неё три плюса. Про первый не скажу, у каждого из нас есть свои эротические слабости, даже у сантехников.

Второй плюс созвучен с песней «Мыла Марусенька белые ноги».

А третий — она держит в моём шкафу запасную обувь.

Уходя, женщина улыбнулась мне и подарила чек от сапог. Послушайте, это оказались сапоги-кабриолет с полным приводом, кожаным салоном, золотым рулём и аудиосистемой Bose, если верить чеку. Я три раза их осмотрел, искал, в чём тут правда. Я разлюбил белые ноги по утрам и обозвал кота

говном. Я мыл пострадавшее голенище щёткой и кокосовым мылом, мне хотелось сэкономить на новую квартиру. Сушил на батарее, завернув в наволочку. Сапог перестал вонять, но стал похож на останки пегой коровы, погибшей от удара молнии. Его чёрная краска перелезла на мои руки, и, судя по всему, это навсегда. И ещё, он отныне хрустит. А был велюровый, вот только утром.

Теперь у нас с котом есть свои женские сапоги, 39-го размера, один чёрный, другой ржавый. Завтра я посажу в них кота и не знаю, где он найдёт людоеда, но чтобы к обеду у меня были замок, принцесса и ослик. С детства хотел ослика завести, милые они.



В двенадцать лет я открыл для себя удивительный мир секса по имени Елена. Ей было тринадцать, скоро четырнадцать. Она знала теорию и хотела проверить на себе. С тех пор на словах «когнитивный диссонанс» я вспоминаю её синие глаза. Она рассказала невероятное. Например, мужская пия так волшебным образом устроена не только чтобы узоры на снегу рисовать. Я был потрясён.

Три дня я трусливо уклонялся. У меня были другие жизненные ориентиры. Она шептала волнующие истории из жизни Клеопатры. На четвёртый день спросила прямо, друга ей или как. Так, спасая товарища, я ступил на скользкую тропу интимных отношений.

Телевизор моего детства учил, как врать Мюллеру при встрече, и никак не освещал механику грехопадения. А нам приспичило погрязнуть. Камасутру на русский ещё не перевели. И мы не знали эти триста невероятно удобных поз, подарок индийских гимнастов советским пионерам. Поэтому легли на бок, укрылись одеялом и приступили.

Дальше было непонятно.

Она закрыла глаза и улыбнулась. Похоже, ей сразу стало нормально. Но мой одноглазый змей ещё не проник в шалаш застенчивых ирисов. Насколько я его знал, он не смог бы найти без меня дорогу. А сам я ничего в Лене не узнавал, наощупь. В те далёкие годы я с трудом разбирался в неосвещённых женщинах. Что под одеялом казалось одним, на свету могло оказаться коленом. Тут она опять сказала, что это кайф. Я подумал «ну и ладно». Лена мне нравилась как человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.